

РЕЛИГИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/158-172

Научная статья

© Т. С. Каландаров

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ТАДЖИКСКИХ ИСМАИЛИТОВ В 1920-Е ГОДЫ (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Статья посвящена антирелигиозной борьбе Советского государства против ислама в Средней Азии на примере исмаилитской общины Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. Основным источником исследования стали архивные материалы из двух российских архивов — Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В исследовании был проведен критический анализ архивных документов. Учитывался контекст их появления. Была предпринята попытка осмыслить и научно оценить тот факт, что трансляторами знаний об исмаилитах региона были сотрудники Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), которые сами имели очень поверхностные знания об истории данного течения ислама. Несмотря на тенденциозность рассекреченных архивных материалов относительно антирелигиозной борьбы в ранние годы Советского государства, тем не менее они дают исследователям много полезных сведений как статистического характера, так и социо-политического контекста. Сотрудники ОГПУ на местах достаточно хорошо владели информацией относительно объема закята для Ага-Хана III, путях его доставки и людей, вовлеченных в этот процесс. Такие данные помогают исследователям глубже осмыслить социо-экономическое состояние религиозных общин, роль их активистов в налаживании контактов рядовых членов общины с их духовным лидером и т. д. Важным является и сопоставительный анализ материалов, подготовленных государственными чиновниками, и документов, хранящихся в личных архивах исмаилитов ГБАО. Они отличаются не только по стилю написания, но и по содержанию. Борцы против религии при подготовке своих писем и докладных записок в центр (Ташкент или Москву) имели цель быстрее «избавить» население от «религиозных предрассудков», а духовные лидеры (в нашем случае резиденция имама Ага-Хана III) стремились дольше сохранять эту духовную связь, которая сложилась между имамом и его последователями на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: Ага-Хан III, исмаилитское сообщество, Таджикистан, антирелигиозная борьба, закят, духовная связь

Каландаров Тохир Сафербекович — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. адрес: tohir_s70@mail.ru

* Работа выполнена в рамках плана НИР Института этнологии и антропологии РАН.

Ссылка при цитировании: Каландаров Т. С. Антирелигиозная борьба против таджикских исмаилитов в 1920-е годы (на основе архивных документов) // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 158–172.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/158-172

Original Article

© Tokhir Kalandarov

ANTI-RELIGIOUS STRUGGLE AGAINST TAJIK ISMAILIS IN THE 1920^S (BASED ON ARCHIVAL DOCUMENTS)

The article covers the anti-religious struggle of the Soviet State against Islam in Central Asia with a focus on the Ismaili community of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region (GBAO) of Tajikistan. The study is based on archival documents from two Russian archives — the State Archive of the Russian Federation (GA RF) and the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). The study involved a critical analysis of archival documents, considering the context of when these documents were created. The study attempted to comprehend and scientifically evaluate the fact that the transmitters of knowledge about the Ismailis in the region included members of the Joint State Political Directorate (OGPU), who themselves had very superficial knowledge about the history of this Islamic branch. In spite of the biased approach of declassified archival documents concerning the anti-religious struggle in the early years of the Soviet State, they nevertheless provide researchers with a lot of useful information — both statistical and shedding light on the socio-political context. The OGPU members had quite sufficient information regarding the amount of zakat for Aga Khan III, the ways of delivery and the people involved in this process. These data help researchers to further investigate the socio-economic condition of religious communities, the role of their activists in establishing contacts between ordinary community members and their spiritual leader, etc. A comparative analysis of the materials prepared by government officials and the documents in the personal archives of the GBAO Ismailis is also important. They differ not only in writing style, but also in content. The anti-religious fighters, when preparing their letters and report notes to the center (Tashkent or Moscow), had the goal of promptly “ridding” the population of “religious prejudices”, while the spiritual leaders (in our case, the residence of Imam Aga Khan III) strove to preserve the spiritual bond that had developed between Imam and his followers over millennia.

Keywords: Aga Khan III, Ismaili community, Tajikistan, anti-religious struggle, Zakat, spiritual connection

Author Info: Kalandarov, Tokhir S. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: tohir_s70@mail.ru

For citation: Kalandarov, T. S. 2024. Anti-Religious Struggle against Tajik Ismailis in the 1920s (Based on Archival Documents). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 158–172.

Funding: The work was carried out within the framework of the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

В советской истории 1920-х годов антирелигиозная борьба еще не была такой кровавой, как в середине 1930-х, однако уже тогда было ясно, что новая власть не будет толерантно относиться к религиозным деятелям разного уровня. Хотя еще недавно, в 1917 г., Советская власть в своем обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября декларировала, что верования и обычаи мусульман, их национальные и культурные учреждения неприкосновенны, и провозгласила право трудящихся свободно и беспрепятственно устраивать национальную жизнь. В частности, там сказано: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это.» (Конфессиональная политика 2018: 237; см.: «Правда», 1917, 22 ноября).

Однако еще до образования СССР мусульманское население жаловалось на то, что им запретили вести религиозные занятия с детьми. В одном архивном документе говорится о том, что мусульмане города Астрахани в декабре 1922 г. написали жалобу о запрете преподавания основ ислама для их детей. В документе написано: «Распоряжение местных властей закрыть наши мектебе¹ и запретить преподавание вероучения нашим детям моложе 18 лет до глубины души задевают наши религиозные чувства» (ГА РФ. Ф. А-353; Конфессиональная политика 2018а: 101).

Советская модель государственной политики в таком важном компоненте, как свобода совести, на протяжении своей истории до 1991 г. имела свою периодизацию. Историки М. И. Одинцов и А. С. Кочетова выделяют шесть этапов: 1917–1924; 1924–1939; 1939–1953; 1953–1965; 1966–1985; 1985–1991 гг. (Одинцов, Кочетова 2023: 253).

Возможно, в 1920-е годы большевики еще верили, что по мере культурного роста советские граждане могут стать убежденными атеистами, это доказывает и наш архивный материал: в 1928 г. сотрудник Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) высказывается о культурном росте таджикских исмаилитов. Историк Виктория Смолкин пишет о том, что «атеистический аппарат, особенно в поздний советский период, признавал конфессиональное разнообразие населения СССР и пытался хотя бы в некоторой степени разнообразить репертуар атеистической работы применительно к разным религиозным культурам» (Смолкин 2021: 23). Возражая ей, можно сказать, что уже в 1920-е годы силовые структуры СССР учитывали в своей работе религиозное разнообразие советского общества.

Стремление к секуляризации общественной жизни и перестройки сознания обусловливало ликвидацию как «классовой эксплуатации», так и «реакционных форм идеологии», т. е. религиозных верований. Духовенство, где бы то ни было — в центральной России или на Памире — воспринималось советской властью как классово враждебный элемент, который, с одной стороны, прямо поддерживал контрреволюционные выступления, а с другой — мешал распространению в массах социалистической идеологии. Партия большевиков придавала огромное значение борьбе с религией и призывала своих сторонников к систематической атеистической пропаганде. Этот вопрос поднимался, в частности, на XII (1923) и XIII (1924) съездах РКП(б), на антирелигиозном совещании при Агитационно-пропагандистском совещании ЦК Компартии (большевиков) Таджикистана в ноябре 1927 г. Именно в 1927 г. большевики в Средней Азии начали кампанию *худжум* — борьба против

¹ Мектебе или мактаб — мусульманская начальная школа.

ношения паранджи. Это было первое серьезное насилие против ислама как религии и культуры (подробнее об этой кампании см.: Keller 2010: 253–278).

В 1925 г. партийная конференция Горного Бадахшана констатировала факт, что население области в целом положительно относится к проводимым Советской властью мероприятиям. А ранее, в апреле 1924 г., почти треть участников съезда Советов Западного Памира выступила против следующей формулировки: вывоз из страны золота в виде закята¹ Ага-Хану не приносит пользы населению Памира, поэтому лучше не производить бесполезной траты денег; развитие просвещения среди народа будет способствовать тому, что уплата закята как пережиток прошлого и темноты населения сама собой со временем прекратится. Противники данной постановки вопроса были убеждены, что уплата закята — старый обычай предков, и закят следует продолжать платить, как это делали их отцы и деды (см.: Харюков 1995: 126).

Что касается налогов и обложений в целом, то еще царская власть, в лице военного министра генерал-адъютанта Сухомлинова в своем докладе в Государственную Думу России в 1914 г, учитывая экономическую отсталость населения этого горного края, предложил освободить его от налогов до 1 января 1919 г. (ГА РФ. Ф. 539). Так как ГБАО находилась на границе Афганистана и Китая, то для советского руководства стимулирование роста экономики этого горного края имело чрезвычайно важное значение.

В одном из постановлений Совета Народных Комиссаров СССР говорится о том, что «Пограничное положение Горно-Бадахшанской А[втономной]О[бласти], наличие исключительно ценных полезных ископаемых и благоприятных условий для развития крупного рогатого животноводства делают необходимым форсированное развития и социалистическую реконструкцию ее хозяйства. Несмотря на это, социалистическое строительство в Горно-Бадахшанской А[втономной]О[бласти] до сих пор развивалось совершенно недостаточными темпами, что не позволяло обеспечить достаточно быстрый рост материального уровня трудящихся области (ГА РФ. Ф. Р5446). Для немедленного перелома в развертывании социалистического строительства ГБАО Совет Народных Комиссаров Союза ССР наряду с другими мерами предложил «поручить Госплану СССР при разработке плана второго пятилетия специально выделить Горно-Бадахшанскую автономную область» (ГА РФ. Ф. Р5446). Другими словами, финансирование области шло отдельной строкой союзного бюджета.

Конечно, экономическое стимулирование вовсе не означало моратория на идеологическом фронте. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) находятся достаточно интересные документы, которые показывают методы борьбы против религии. Один из таких документов называется «О мерах борьбы с вывозом закята Ага-Хану». Это письмо было отправлено на имя Председателя Средазбюро ЦК ВКП(б) тов. Зеленского². Оно составлено

¹ Закят — букв. «очищение». В исламском праве обязательная ежегодная выплата части средств, обычно 1/40 часть в пользу нуждающихся. Таджикские исмаилиты эту свою часть имущества в те годы давали Ага-Хану III. Размер закята в основном регулировался общественным одобрением или порицанием. Специальных людей, которые бы считали, например, количество скота в домохозяйствах, не было.

² Зеленский Исаак Абрамович (1890–1938) — партийный и государственный деятель, в 1928 г. занимал должность председателя среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Его личная анкета находится в РГАСПИ в Фонде 62. Оп. 2 часть 1. Д. 458. Л. 106. Репрессирован в 1938 г. В 1959 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

28 января 1928 г. со стороны уполномоченного ОГПУ в Средней Азии Бельским¹ (Рис. 1). В документе сказано:

«Памирские исмаилиты издавна платят закят своему верховному руководителю Ага-Хану (по верованию исмаилитов — «воплощение бога на земле»²), проживающему ныне в Бомбее. До революции закят для Ага-Хана достигал 10000 р. золотом. В последнее время размеры закята значительно понизились: в 25 г. собрано 7000 р., в 26 г. — 4500 р. В 1927 же году имеется вновь повышение — по одной только Шугнанской волости собрано 10090 р., из коих 1000 рублей золотом, а остальная сумма серебром. Увеличение размеров закята в 27 г. объясняется повышением общего благосостояния в наиболее богатой Шугнанской волости и главным образом тем, что среди населения Памира в истекшем году был распределен до 30000 р. сельхоз кредит, давший возможность беднякам внести дань Ага-Хану.

Наряду с повышением общей суммы закята, следует отметить большое снижение вывоза золота; прошлые годы закят почти целиком отправлялся в золоте, нынешний год дал лишь 1000 р., т. е. почти такое количество золота, какое было выброшено на рынок памирским отрядом.

Борьба с вывозом закята Ага-Хану чрезвычайно затруднительна, т. к., не говоря о массе, даже партийцы считают своим долгом вносить закят. В списках, отправляемых вместе с закятом Ага-Хану, среди уплативших числятся: семья зам[естителя] пред[седателя] партбюро Хубаншо Кирманшоева³ — 45 р., семья отсека [ответственного секретаря] обкома ЛКСМ Бандишоева⁴ — 10 р., семья отв. работника в Дюшамбе Ельчибекова (в оригинале Ильчибекова — Т. К.)⁵ — 40 р., учитель хорогского интерната⁶ — 50 р. и др.

¹ Бельский Лев Николаевич (1889–1941) — с 1923 по 1930 гг. был полномочным представителем ОГПУ по Туркестану. В 1939 г. арестован и в 1941 г. расстрелян. Обвинен в измене Родине и других тяжких преступлениях.

² Конечно, официальное учение исмаилизма было против такой интерпретации. Идея о воплощении божества на земле, скорее всего связана с течением *гулат* — культовым возвышением личности четвертого праведного халифа Али ибн Абу Талиба. Говоря о воззрениях людей гулат, А. А. Семенов утверждает: «Основной идеей их верования являлось не только воплощение божества на земле, но и преемственность его перевоплощений, откуда, вероятно, у некоторых сектантов возникла вера в переселение душ в широком смысле этого слова» (Семенов 1928: 5). «Этот термин (гулат — Т. К.), — пишет Ф. Дафтари, — служил для выражения неодобрения, возможно, он был выдвинут рядом ранних шиитских авторов и принят ересиографами для обозначения крайних шиитов, которые позднее были обвинены более умеренными единоверцами в “неумеренности” (*гулувв*) в религиозных вопросах по отношению к имамам и другим шиитским деятелям» (Daftary 2007: 63; Дафтари 2011: 100).

³ Кирмоншоев Хубаншо (1900–1938) — один из борцов за установление Советской власти в Таджикистане. Осенью 1937 г. был арестован сотрудниками НКВД в г. Хорог. Умер в тюрьме в Оше в 1938 г.

⁴ Бандишоев Богшо (1908–1937) — секретарь комсомольской организации Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. До своего ареста занимал должность заместителя председателя облисполкома. Репрессирован в 1937 г.

⁵ Ельчибеков Карамхудо (1896–1938) — один из основателей Советской власти в Таджикистане. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян в 1938 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

⁶ Бельский не пишет, кто именно был учителем интерната. Возможно, этим учителем был или Шохфутур Мухаббатшозода или Сулаймон Курбонмамадов. Оба они в эти годы работали в школе-интернате в Хороге. Они являются авторами книги «История Бадахшана».

Вывоз закята будет падать по мере культурного роста населения Памира, и административные меры в этом вопросе положительных результатов не дадут. Однако, несмотря на трудности, в данный момент, мы считаем, что сейчас в целях борьбы с вывозом денег за границу кое-что предпринять можно. Одной из целесообразных мер в этом направлении, по нашему мнению явилось бы следующее (что мы и предполагаем испытать): у иismaилитов утвердилось мнение об отзывчивости и доброте Ага-Хана; пользуясь этим, начать среди его последователей на Памире, кампанию через одного из влиятельных и авторитетных ишанов о подаче «петиции» Ага-Хану с просьбой оставить закят на местные нужды иismaилитов — открытие школ, организацию питания в них и т. д. Обращение Ага-Хану может оправдать себя и в том случае, если он ответит отрицательно — такой ответ Ага-Хана должен будет значительным образом изменить представление иismaилитов о нем в худшую сторону, что в свою очередь явится предпосылкой для нашей работы против Ага-Хана» (РГАСПИ. Ф. 62. 1355).

Данный архивный материал интересен несколькими моментами. В первую очередь, в нем есть сведения о размере закята Ага-Хану. Автор пишет о том, что до 1917 г. закят для Ага-Хана достигал 10 000 р. золотом. Учитывая не совсем благополучную жизнь таджикских иismaилитов горного края в те годы, это довольно ощутимая сумма. Напри-

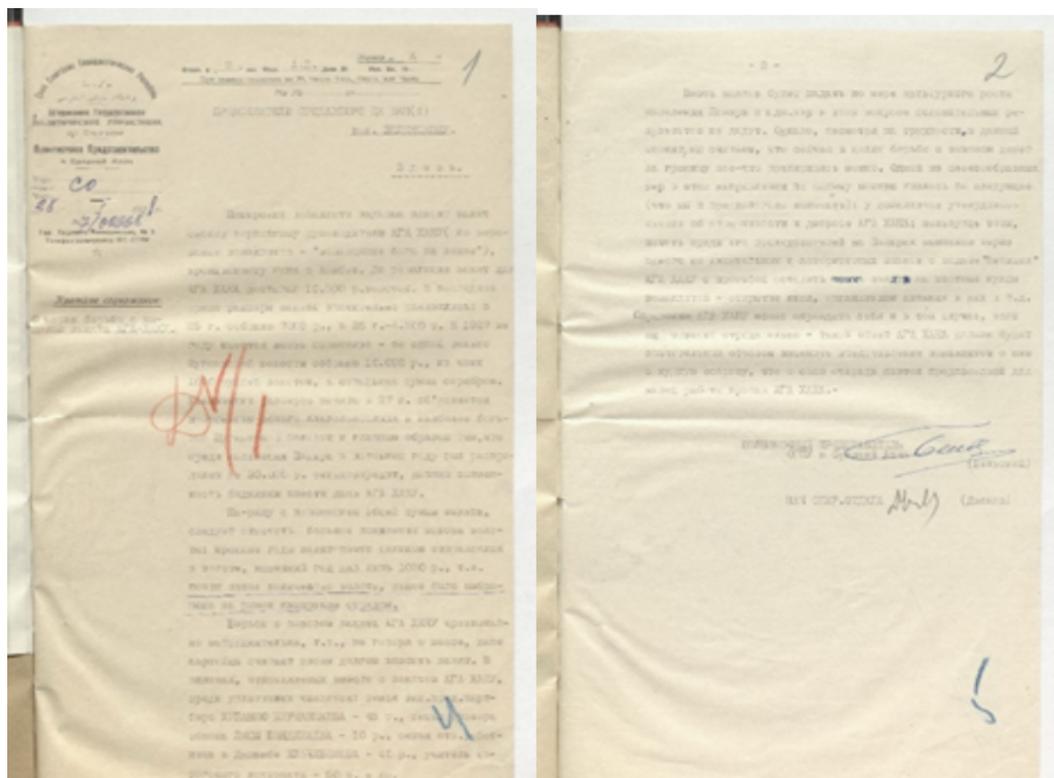

Рис. 1. Начало и конец письма Бельского на имя Зеленского (РГАСПИ. Ф. 62. 1355).

мер, дойная корова в России в то время стоила около 60 рублей¹, т. е. можно было на эти деньги купить 166 коров. Здесь, на наш взгляд, следует немного остановиться на вопросе личности самого Ага-Хана III. Как и шииты, исмаилиты подтверждают, что после смерти Пророка его двоюродный брат и зять Али ибн Абу Талиб стал первым имамом — духовным лидером мусульманского сообщества, и что духовное руководство, известное как имамат, является поэтому наследственным через Али и его жену Фатиму, дочь Пророка. Наследование имамата, в соответствии с шиитской доктриной и традицией, происходит путем назначения и является прерогативой имама — выбирать наследника из числа потомков. Согласно этой традиции, Ага-Хан III был 48-м наследным имамом, который среди своих последователей был известен под именем Султан Мухаммад Шах. Он стал имамом в возрасте восьми лет и руководил исмаилитской общиной в течение 72 лет — больше всех своих предшественников. В воспитании молодого имама огромную роль играла его мать — Шамс ал-Мулук, высокоодаренная женщина. Она происходила из иранской царской семьи, была внучкой Фатх-Али-Шаха — иранского правителя из династии Каджаров, который правил с 1797 по 1834 г.

Резиденция имама Султана Мухаммад-Шаха располагалась в Бомбее, где была сосредоточена большая исмаилитская община. Однако эта община всегда находилась под религиозным влиянием как суннитов², так и шиитов-двунадесятников³. Поэтому имаму пришлось провести серьезную работу по восстановлению исмаилитской идентичности своих последователей. Параллельно с этим Ага-Хан III начал проводить политику модернизации своей общины. В первую очередь это касалось вопросов равноправия мужчин и женщин в общине. В своей книге «Индия в переходный период» имам писал:

«Биологически женщины намного важнее для нации, чем мужчины. При том что в целом женщины способны самостоятельно зарабатывать средства к существованию наряду с мужчинами, они являются хранительницами жизни нации и благодаря этому своему природному качеству несут двойное бремя. Опыт показывает высокую вероятность того, что активное влияние женщин на жизнь общества, при прочих равных условиях и свободе, должно не только послужить улучшению материальной жизни внутри страны, но, кроме того, сообщить самый возвышенный идеализм жизни государства» (*Aga Khan III* 1918: 254). Далее Ага-Хан III продолжает свои мысли: «Сегодня ни один прогрессивный мыслитель не станет опровергать утверждение, что уровень социального прогресса и общего благосостояния общин наиболее высок там, где женщины менее отгорожены искусственными барьерами и узкими предубеждениями от своего полноценного положения граждан. Стало быть, с глубокой скорбью следует признать, что положение индийских женщин является неудовлетворительным, что повсюду на пути их полноценного служения обществу имеются искусственные препятствия и что, с точки зрения здоровья и счастья, женщины без нужды страдают от цепей и оков предрассудков и пре-

¹ По сведениям Министерства земледелия средняя цена на дойную корову в Ферганской области была ниже, чем по большинству областей Российской империи, и на осень 1915 г. составляла 43 р. (Сборник 1917: 501).

² Сунниты — ахль ас-Сунна валь Джамаа (люди Сунны и согласия общины). Сунниты принимают Коран и Сунну (путь Пророка) в качестве первоисточников религии. См. подробнее: (*Али-заде* 2007: 55–57).

³ Шииты-двунадесятники — последователи 12 имамов из рода Али ибн Абуталиба. Они верят, что двенадцатый имам исчез в IX в. и появится в качестве мессии. См. подробнее: (*Али-заде* 2007: 162–163).

дубеждений... Это социальное зло и другие, ему подобные, так ограничивали Индию, что невозможно представить эту страну занимающей надлежащее место среди свободных наций до тех пор, пока всеохватный принцип равенства между полами не будет в целом принят ее населением. Отречение от этого принципа в настоящий момент тем более достойно сожаления, что природный ум и способности индийских женщин далеко не ниже, чем у их эмансипированных сестер» (*Aga Khan III* 1918: 256).

Подобные высказывания были поистине революционными для индийского общества того времени. Еще более радикальными были методы, которыми он пользовался. Основным средством решения «женского вопроса» — в Индии в целом и среди своих последователей в частности — имам считал обучение: только образованные женщины, по его мнению, могли принять ответственность за свою судьбу. За относительно короткое время Ага-Хан III смог открыть для своей общины несколько школ, в которых девочки учились наравне с мальчиками.

Деятельность Ага-Хана III не могла не вызвать отклика как внутри, так и вне исмаилитской общины. В знак глубокой преданности исмаилиты Индии, Ирана и Средней Азии называли его «*Мавлана Хазир Имам*» — «Наш Господин Нынешний Имам».

Востоковед А. А. Семенов коротко, но в то же время объемно описывает личность Ага-Хана III: «Применился ко времени и обстоятельствам и самый облик этого имама, Оксфордский университет в прошлом, в настоящем титул «Его высочества» от английского правительства, литературная деятельность и высокое общественно-политическое положение в качестве недавнего председателя Всемиусульманской Лиги. Таков современный исмаилитский имам, потомок фатимидов» (*Семенов* 1928: VIII).

Тем не менее в 1920–1930-е годы знания об исмаилитах и их духовном лидере были весьма ограничены не только среди работников силовых структур, но даже и среди ученых. Происходило своего рода столкновений невежества между исмаилитами и людьми, которые хотели бороться против исмаилизма. Московский журналист и литератор А. М. Брискин в 1930 г. писал о том, что на Памире «весьма распространена секта «Исмаилья», сущность учения которой мало известна, так как «человек должен скрывать свою религию и женщин» (*Брискин* 1930: 18–19). О малоизученности памирского исмаилизма в те годы писал и будущий крупный советский востоковед Н. А. Смирнов (*Смирнов* 1928: 24–25). Тот же Бельский, судя по другому архивному документу, в своем докладе на Пленуме Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП (б) от 28–30 мая 1927 г. «По мусульманскому духовенству» говорил:

«Исмаилиты верят в земное воплощение божества. Бог переходит постепенно, меняет телесную оболочку, в различных лиц и иногда не покидает земного существования. В настоящее время он непосредственно воплощен в Агахане (Султан Мухамед Шах). Исмаилиты верят в переселение душ и приход Махди, который совершит страшный суд, призовет к себе верных исмаилитов и установит строй вечного блаженства» (РГАСПИ. Ф. 62. 1145. Л. 61).

В конце своего доклада Бельский вносит свои предложения, где под пунктом 10 идет: «Все секты Ислама (ахмадийцы¹, бехаисты², исмаилиты) следует рассматривать как группы, враждебные нам, учитывая, что они берут начало на

¹ Основателем течения ахмадийцев является Мирзо Гулям Кадияни, который в конце XIX в. при помощи англичан смог определенное количество мусульман Индии привлечь на свою сторону.

² Основателем течения бехаистов считается Мирзо Хусайн, который жил в XIX в. В основном его последователи живут в Западной Европе.

территории враждебных нам стран, находятся под их покровительством. Однако при подходе к каждой секте необходимо учитывать деятельность ее на территории Союза и влияние ее на население» (РГАСПИ Ф. 62. 1145. Л. 68; данный документ опубликован, см.: Ислам 2010: 124).

Как видно из доклада Бельского, он не утруждал себя изучением сути исмаилитского вероучения, легче всего было считать исмаилитов врагами нового строя. Люди, которых Бельский упомянул в своем письме, в дальнейшем были репрессированы, хотя они являлись основателями советской государственности на Памире. Возможно, данное письмо также играло свою отрицательную роль в их трагической судьбе.

Через несколько лет, на заседании Центрального Партбюро было такое решение: «Распространить решение ПБ от 29.12.35 г. о запрещении вывоза из Памира за границу закята хлебом и скотом также и на промышленные товары, золото и серебро». Выписки посланы: Т. Ягода¹, Стомонякову², Розенгольцу³, Мирошникову⁴, ЦК Таджикистана (шифром)» (РГАСПИ. Ф. 17. Л. 41). Хотя еще год назад Центральное Политбюро на своем заседании от 15 апреля 1934 г. постановило «Разрешить памирскому духовенству вывоз серебра (закята) за границу» (РГАСПИ. Ф. 17. Л. 34). Выписка из данного заседания была отправлено Г. И. Бройдо — первому секретарю ЦК Таджикистана.

Новая советская власть не хотела на своем пути видеть харизматических и популярных личностей, тем более в духовном плане. Это было против их плана создания советского человека одухотворенным идеями диктатуры пролетариата, но отнюдь не религиозными мотивами. Ага-Хан III был чрезвычайно популярен среди исмаилитов Таджикистана. Один из известных таджикских поэтов конца XIX — начало XX вв. Мубораки Вахони так восхваляет его в своем стихотворении:

Сад ранга гул зи зиннати Султон Муҳаммад аст,
Шамсу қамар назокати Султон Муҳаммад аст,
Арзу само иборати Султон Муҳаммад аст,
Ғилмонро зиёрати Султон Муҳаммад аст,
Авфи гуноҳ раҳмати Султон Муҳаммад аст...
Мушки татар бардамад аз оҳуи хутан,
Созад ба кӯҳу дашту биёбон ба вай ватан,
Дорад дар обгинаю гуфтор дам мазан,
Созад ба тору пуди хамушӣ карам кафан,
Гӯям, ки рози хилвати Султон Муҳаммад аст.
Қудрат ба феълу феъл ба қудрат чу юзу боз,
Печида ҳамчу кокули сунбул ба сарви ноз,
Чун субҳу шом гашта таваллои имтиёз,
Чун мубдау маод бувад шебу ҳам фароз,
Ин корзор санъати Султон Муҳаммад аст...
Бар матлаби висоли муҳаббат надам шавӣ,
Чун калби кӯи дӯст, Муборакқадам шавӣ,

¹ Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938) в описываемые годы работал руководителем НКВД СССР. Репрессирован в 1938 г.

² Борис Спиридонович Стомоняков (1882–1940) в описываемые годы работал заместителем наркома иностранных дел СССР. Репрессирован в 1940 г.

³ Аркадий Павлович Розенгольц (1889–1938) в эти годы занимал должность наркома внешней торговли СССР. Репрессирован в 1938 г.

⁴ Иван Иванович Мирошников (1894–1938) в 1935 г. занимал должность управляющего делами Совнаркома СССР. Репрессирован в 1938 г.

Шайдову волаву рухи зулфи санам шавӣ,
 Базғӯи нестӣ ба салоҳи адам шавӣ,
 Медон яқин, ки васлати Султон Муҳаммад аст (Давлатбеков 2015: 180)
 Цветов прекрасны цвет Султан Мухаммада
 Луны и солнца свет Султан Мухаммада,
 Земли и неба силуэт Султан Мухаммада,
 Паломники хранят завет Султан Мухаммада
 Грехов прощения обет Султан Мухаммада...
 Хотанского оленя мускуса благоуханье,
 Поля и горы, что родное мирозданье,
 Красноречиво он хранит молчанье,
 Безмолвно саван приоткрыл сознанья,
 Тот тайный пиетет Султан Мухаммада.
 Мошь в действии и действие в мощи,
 Как гиацинта локоны на роще,
 И на рассвете, и в закате тощем,
 Начало и конец, сложней и проще,
 Всё это пируэт Султан Мухаммада...
 Как станешь путником любви дороги,
 Подобно Мубараккадаму на пороге,
 Влюблённым потеряешься ты в Боге,
 Безумие твоё не выражают слоги,
 Узнай, что это след Султан Мухаммада¹.

В одном раннесоветском документе пишется о том, что «несмотря на легкомысленное отношение к религии таджики с большим уважением относятся к своему старшему пиру Ага Хану и в достаточной степени преданы своему Иمامу» (ГА РФ. Ф. Р1235).

И конечно же, такая фигура и ее огромное влиянием на исмаилитов Средней Азии вызывала обеспокоенность у советской верхушки власти, особенно у силовых структур.

Следует сказать, что большую часть денег, который Ага-Хан III получал от своих последователей, шла на постройки школ, поликлиник и больниц в Индии и Восточной Африке, которыми пользовались не только исмаилиты, но и их соседи. Ага-Хан III многое сделал для того, чтобы англо-восточный колледж в Алигархе, основанный в 1875 г., приобрел в 1929 г. статус университета. Он сам в своих воспоминаниях отмечает:

«Я посвятил много времени, энергии и интереса делам Алигарха. Полагаю, что я был своего рода одиночкой в группе активистов ('ginger grope') для проекта преобразования Алигарха в великий мусульманский университет» (The Memoirs 1954: 114).

М. Рутвен пишет:

«В общей сложности в первой половине XX века Ага-Хан III основал около 200 школ в Восточной Африке и Южной Азии; первая из них была создана в 1905 г. в Занзибаре, в 1906 г. в Дар-эс-Саламе, в тогдашней Танганьике, а в 1907 г. в Мундра, в Гуджарате» (Рутвен 2013: 235).

Достаточно оригинальным было предложение Бельского относительно «петиции» Ага-Хану с просьбой оставить закят на нужды местного населения. Сотрудник ОГПУ в этом случае не учел духовную сторону вопроса. Исмаилиты закят своему

¹ Выражаю признательность Олиму Ширинбеку за поэтический перевод данного стихотворения.

имаму считали религиозным обязательством в качестве мюрида-последователя. Для исмаилитов было важно, чтобы их деньги аккумулировались в резиденции имама. Таким образом эти деньги «покрываются духовным покрывалом», если так можно сказать, а те, кто отправил их, получают благословение имама. Ага-Хан III многократно отправлял своим таджикским мюридам на Памир расписку о том, что деньги получил, и в знак благодарности в этих расписках писал добрые пожелания своим последователям. Для мюридов было чрезвычайно важно, что их имам посылает им самые тёплые и самые нежные любящие благословения. Эти любящие благословения обычно касались доброго здоровья, счастья, защиты и безопасности исмаилитов.

В личных архивах таджикских исмаилитов до сих пор хранятся эти расписки, и владельцы с особым пиететом относятся к ним. Конечно, такие расписки, адресованные таджикским исмаилитам, были не только от Ага-Хана III, но и от Ага-Хана I (Хасан Алишах — умер в 1881 г). Для примера, в данной статье приводим две расписки от этих имамов — от Ага-Хана I в 1860 г. и от Ага-Хана III в 1908 г., которые и поныне хранятся в личных архивах (Рис. 2, 3).

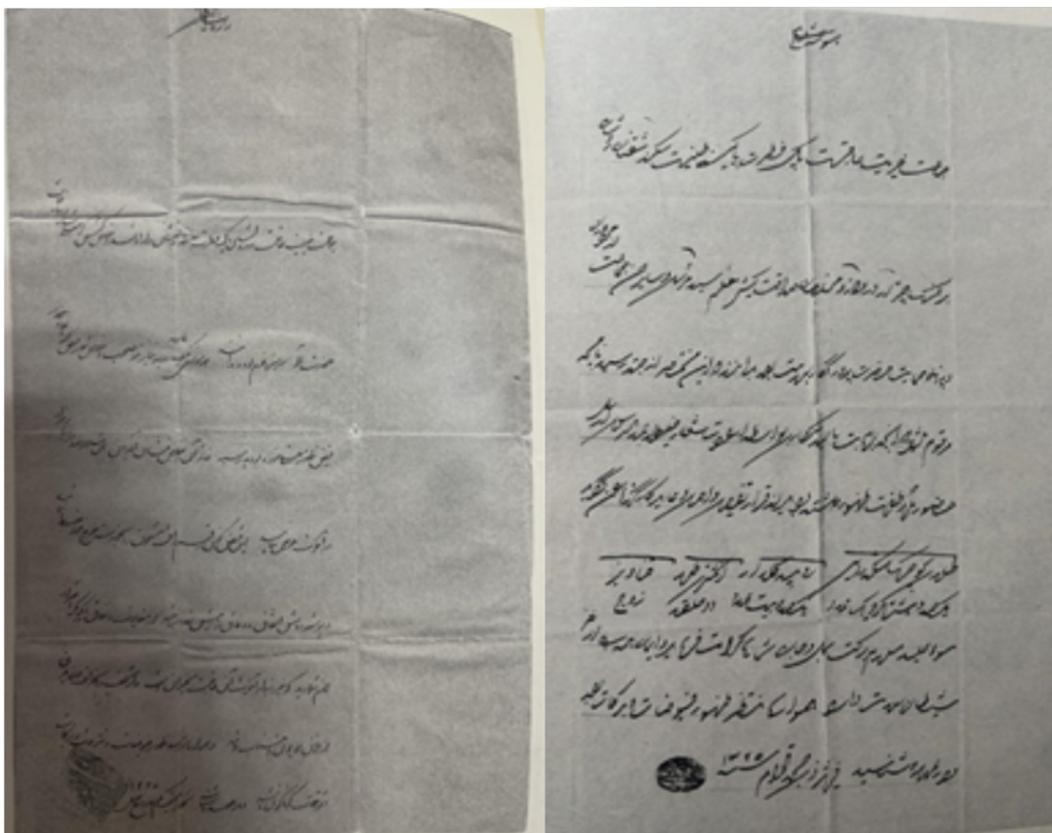

Рис. 2. Расписка Ага-Хана I

Рис. 3. Расписка Ага-Хана III

(Обе расписки из книги: Kawahara, Mamadshezodshoev 2013).

В своей расписке Ага-Хан I пишет о том, что получили 100 рупий от своих мюридов из Бадахшана, которые были посланы через некий Файзуллах и дошли до резиденции. Имам взамен желает своим мюридам, чтобы благодать от этих денег

вернулась мюридам в стократном размере в этом мире и в тысячу раз в том мире.

Примерно такие же слова содержатся в расписке Ага-Хана III. Там сказано о том, что деньги, две пары золотых серег и т. д., которые были отправлены, дошли до резиденции имама. Имам в свою очередь желает своим мюридам достатка и защиты от козней сатаны.

Во взаимоотношении исмаилитов и их духовного лидера мы видим классический случай конструирования традиции и ритуалов. Другими словами, для исмаилитов выплата закята своему духовному лидеру — имаму считался религиозным ритуалом. Американская исследовательница Кэтрин Белл пишет о том, что ритуализация — это прежде всего стратегия построения определенных типов властных отношений, эффективных в конкретных социальных организациях (Bell 1992: 197). В нашем случае, если за социальную организацию взять исмаилитскую общину, становится ясно, что между имамом и его последователями существовала особая духовная связь, которая выражается посредством клятвы верности — *байъата*. Мюриды при удобном случае или непосредственно физически перед имамом, или через людей, назначенных имамом, выражают свою привязанность посредством клятвы верности. После этого у имама по отношению к своим последователям появляется духовная власть, которая означает, что отныне мюриды будут прислушиваться к наставлениям своего имама. Эти наставления могут быть в письменном или устном виде.

В заключение можно сказать, что несмотря на то, что большевики с первых дней своего вхождения на политический Олимп говорили о праве людей на свободу выполнения своих религиозных обрядов, однако на деле они сразу же начали борьбу против религии. Конечно, в 1920-е годы эта борьба еще не преследовала целью физическое устранение религиозных лидеров. Советские работники антирелигиозного фронта верили, что с ростом культуры среди трудящихся СССР растет безбожие» (Царицын 1938: 2–4). Однако или культурный рост в глазах проводников этой новой культуры казался слабым, или безбожие не приходило так быстро, как того хотели большевики, или еще какие-то другие причины стали катализатором беспощадной борьбы уже в 1930-е годы. Эта борьба на периферии Советского государства иногда была еще ожесточеннее. Каждый назначенный уполномоченный ОГПУ из центра (из Москвы или Ташкента) в регионах старался яростнее показать свою преданность.

Переход от конфессионального государства к светскому требовал эволюционного подхода, но вчерашние революционеры хотели все эти перемены осуществить революционным способом. Они еще при своей жизни хотели видеть эти перемены, хотя, как известно, большое количество этих борцов за новую светскую жизнь сами стали жертвами государственной репрессивной машины. Это мы видим и на примере лиц, упомянутых в этой статье.

Список сокращений

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Источники и материалы

Сборник 1917 — Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград, 1917. 673 с.

ГА РФ. Ф. А-353. — ГА РФ. Фонд А-353. Оп. 6. Ед. хр. 19. Л. 83.

- ГА РФ. Ф. 539. — ГА РФ. Фонд 539. Оп. 1. Ед. хр. 704 Л. 2 об.
ГА РФ. Ф. Р5446. — ГА РФ. Фонд Р5446. Оп. 12а. Ед. хр. 1080 Л. 1–4.
ГА РФ. Ф. Р1235. — ГА РФ. Фонд Р1235. Оп. 101. Ед. хр. 38 Л. 24.
РГАСПИ. Ф. 62. 1355. — РГАСПИ. Фонд 62. Оп. 2 часть 1. Ед. хр. 1355. Л. 1–2.
РГАСПИ. Ф. 62. 1145. — РГАСПИ. Фонд 62. Оп. 2. Ед. хр. 1145. Л. 61, 68.
РГАСПИ. Ф. 17. — РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 162. Ед. хр. 19. Л. 34, 41.
Правда 1917 — Газета «Правда», 1917, 22 ноября.
Царицын 1938 — *Царицын А.* Ленин о религии и борьбе с ней // *Безбожник*. 1938. № 12. С. 2–4.
Aga Khan III 1918 — *Aga Khan III.* India in Transition: A Study in Political Evolution / Aga Khan III. — Bombay: Bennet, Coleman and Co. 1918. 310 p.
The Memoirs 1954 — *The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time.* L.: Cassel and Company LTD, 1954. 350 p.

Научная литература

- Али-заде А.* Исламский энциклопедический словарь М.: Ансар, 2007. 400 с.
Брискин А. М. Страна таджиков. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 73 с.
Давлатбеков Л. Жанр мусаммат в творчестве поэтов Бадахшана // *Вестник Таджикского национального университета. Серия филология* № 4/9. 2015. С. 176–182 (на тадж. яз.).
Дафтари Ф. Исмаилиты: их история и доктрины / Пер. с англ. Л. Р. Додыхудоевой. М.: Наталис, 2011. 848 с.
Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Вып. 2 / Сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М.: Изд. дом Марджани, 2010. 208 с.
Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы. Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / Отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 670 с.
Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы. Кн. 3. Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917–1924) и СНК СССР (1922–1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / Отв. сост. М. И. Одинцов; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. М.: Политическая энциклопедия, 2018а. 892 с.
Одинцов М. И., Кочетова А. С. Свобода совести в истории России: идеи, законодательные проекты, практическое воплощение. Конец XIX — вторая четверть XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 559 с.
Рутвен М. Сеть Ага Хана по развитию и ее учреждения // *Новейшая история исмаилитов: Преемственность и перемены в мусульманской общине* / Пер. с англ. — М.: Наталис, 2013. С. 231–271.
Семенов А. А. Исмаилитская ода, посвященная воплощениям Алия-бога // *Иран: Сб. статей.* Т. 2. Л., 1928. С. 1–24.
Смирнов Н. А. Ислам и современный Восток / Под ред. проф. М. А. Рейснера. М.: Изд-во «Безбожник», 1928. 120 с.
Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / Пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Московского университета, 1995. 240 с.
Bell C. Ritual Theory, Ritual Practice. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. 270 p.
Daftary F. The Isma'ilis: Their History and Doctrines. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 800 p.

Kawahara Y., Mamadsheerzodshoev U. Documents from Private Archives in Right-Bank Badakhshan (Facsimiles). Tokyo: The University of Tokyo, 2013. 231 p.

Keller Sh. Islam in Soviet Central Asia, 1917–1930. Soviet Policy and Struggle for Control // Politics of Modern Central Asia. Critical Issues in Modern Politics. Vol. I. Encounters with Modernity: Russian and Soviet Rule. London & New York: Routledge, 2010. Pp. 253–278.

References

- Ali-zade, A. 2007. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ansar. 400 p.
- Arapov, D. Yu. (ed.). 2010. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917–1936). Sbornik dokumentov. Vyp. 2.* [Islam and the Soviet State (1917–1936). Collection of Documents. Vol. 2]. Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani. 208 p.
- Bell, C. 1992. *Ritual Theory, Ritual Practice*. New York, Oxford: Oxford University Press. 270 p.
- Briskin, A. M. 1930. *Strana tadzhikov* [The Country of Tajiks]. Moscow, Saint Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 73 p.
- Daftary, F. 2007. *The Isma'ilis: Their History and Doctrines*. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press. 800 p.
- Daftary, F. 2011. *Isma'ility: ikh istoriia i doktriny* [The Isma'ilis: Their History and Doctrines]. Moscow: Natalis. 848 p.
- Davlatbekov, L. 2015. Zhanr musammat v tvorchestve poetov Badakhshana [The Musammat Genre in the Works of Poets of Badakhshan]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologiya* 4/9 (185): 176–182.
- Kawahara, Y., and U. Mamadsheerzodshoev. 2013. *Documents from Private Archives in Right-Bank Badakhshan (Facsimiles)*. Tokyo: The University of Tokyo. 231 p.
- Keller, Sh. 2010. Islam in Soviet Central Asia, 1917–1930. Soviet Policy and Struggle for Control. In *Politics of Modern Central Asia. Critical Issues in Modern Politics*. Vol. I. *Encounters with Modernity: Russian and Soviet Rule*, ed. by D. Bhavna. London & New York: Routledge. 253–278.
- Kharyukov, L. N. 1995. *Anglo-russkoye sopernichestvo v Tsentral'noi Azii i ismailizm* [Anglo-Russian Rivalry in Central Asia and Ismailism]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 240 p.
- Odintsov, M. I. (ed.). 2018. *Konfessional'naiia politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: Dokumenty i materialy. Kn. 2. Tsentral'nye organy gosudarstvennoi vlasti i upravleniia v RSFSR: sozdanie normativno-pravovoy bazy deiatel'nosti religioznykh ob'yedinenii* [Confessional Policy of the Soviet State. 1917–1991: Documents and Materials. Book 2. Central Bodies of State Power and Administration in the RSFSR: Creation of a Regulatory Framework for the Activities of Religious Associations]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. 670 p.
- Odintsov, M. I. (ed.). 2018a. *Konfessional'naiia politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: Dokumenty i materialy. Kn. 3. Narodnyye komissariaty SNK RSFSR (1917–1924) i SNK SSSR (1922–1924): provedenie v zhizn' dekreta «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi»* [Confessional Policy of the Soviet State. 1917–1991: Documents and Materials. Book 3. People's Commissariats of the Council of People's Commissars of the RSFSR (1917–1924) and the Council of People's Commissars of the USSR (1922–1924): Implementation of the Decree “On the Separation of Church from State and School from Church”]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. 892 p.
- Odintsov, M. I., and A. S. Kochetova. 2023. *Svoboda sovesti v istorii Rossii: idei, zakonodatel'nye proyekty, prakticheskoe voploshchenie. Konets XIX — vtoraiia chetvert' XX v* [Freedom of Conscience in the History of Russia: Ideas, Legislative Projects, Practical Implementation. End of XIX — second quarter of XX century]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. 559 p.
- Rutven, M. 2013. Set' Aga Khana po razvitiuu i ee uchrezhdeniia [Aga Khan Development Network and Its Institutions]. In *Noveishaiia istoriia ismailitov: Preemstvennost' i peremeny v*

- musul'manskoi obshchine* [Recent History of the Ismailis: Continuity and Change in the Muslim Community], ed. by F. Daftary. Moscow: Natalis. 231–271.
- Semenov, A. A. 1928. Ismailitskaia oda, posviashchennaia voploshcheniiam Aliia-boga [Ismaili Ode Dedicated to the Incarnations of Ali as a God]. In *Iran: sbornik statei* [Iran: Collection of articles], ed. by V. V. Bartol'd. Vol. 2. Saint Petersburg. 1–24.
- Smirnov, N. A. 1928. *Islam i sovremennyi Vostok* [Islam and the Modern East]. Moscow: Bezbozhnik. 120 p.
- Smolkin, V. 2021. *Sviato mesto pusto ne byvaet: istoriia sovetskogo ateizma* [A Sacred Space is Never Empty: A History of Soviet Atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 552 p.